

ИЗЪ КАВКАЗСКОЙ СТАРИНЫ

Ш.

Подошелъ Февраль 1859 года. Въ природѣ замѣчалась уже большая переменѣна и суровая буртунаевская зима, исчезая съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе, давала надежду скоро освободиться и отъ снѣга и отъ шубъ. Во второй половинѣ того же мѣсяца подкатила и масленица; въ слободкѣ запахло блинами и въ духанѣ нашего Карапѣта появилась цѣлая гора бурдюковъ съ кахетинскимъ, лучше котораго, по увѣренію самаго Карапѣта, нельзя было найти даже и въ Шурѣ. Кахетинское оказалась такъ хорошо, что любители охотно запасались имъ, какъ необходимою приправою къ блинамъ, и масленица закурилась по всей слободкѣ, широко распахнувъ двери пирушкамъ, которыя у многихъ заканчивались далеко за полночь.

Въ штабѣ уже было извѣстно, что на первой недѣлѣ великаго поста три баталіона нашего полка должны будутъ выступить въ Ичкерію и войти тамъ въ составъ вспомогательнаго отряда для совокупныхъ дѣйствій съ отрядомъ генерала Евдокимова и потому передъ походомъ всѣмъ хотѣлось кутнуть, давъ полный просторъ веселью.

Походы въ горы, не смотря на сопряженные съ ними тяжелые труды и разныя лишенія, которыя часто приходилось войскамъ нести на Кавказѣ, не только никого не страшили, но, напротивъ, они имѣли для насъ своего рода неотъемлемую прелесть; и послѣ долгой и скучной стоянки въ крѣпости или въ какомъ нибудь аулѣ вѣсть о походѣ, да еще весною, когда природа Кавказа становится такъ хороша, что невольно манитъ на свой просторъ,—такая вѣсть особенно была заманчива для многихъ и даже возбуждала зависть въ тѣхъ, кому приходилось оставаться въ мѣстахъ ихъ зимнихъ стоянокъ. Конечно, тутъ всегда являлось не мало и охотниковъ, желавшихъ на время похода

приксмандироваться къ дѣйствующимъ частямъ, но это удавалось далеко не всѣмъ, такъ какъ въ баталіонахъ составъ офицеровъ былъ тогда очень великъ.

Предстоящій походъ въ Ичкерію, еще памятную всѣмъ по событіямъ 1845 года, долженъ былъ по расчетамъ затянуться надолго и потому шли большія приготовленія: роты сушили сухари, запасались прочною обувью; офицеры снаряжали себѣ вьюки и подкармливали лошадей.

Выступленіе баталіоновъ изъ штаба назначено было на 25 Февраля. Еще задолго до зари вся слободка пришла въ движеніе: по всѣмъ улицамъ засновали солдаты одни съ приказаніями отъ начальниковъ, другіе съ офицерскими вещами, чтобы уложить ихъ въ обозъ, а кто и просто торопился попрощаться, можетъ бытъ въ послѣдній разъ, съ своей возлюбленной и, если можно, перехватить у нея на дорогу что нибудь изъ съѣстнаго.

Къ утру однако все было готово къ выступленію и послѣ напутственнаго молебна баталіоны съ музыкою и пѣснями тронулись къ укрѣпленію Евгеніевскому.

Первый переходъ былъ небольшой. Мы благополучно миновали гору Ибрагимъ Дада, и, спустившись къ полудню въ Евгеніевское, разбили свой бивакъ у селенія Новый Черкей.

Возбужденные любопытствомъ узнать о цѣли нашего движенія, черкеевцы толпами тотчасъ же хлынули къ намъ, стараясь вывѣдать у солдатъ, куда и зачѣмъ мы идемъ; но, конечно, не много получили отъ нихъ свѣдѣній на этотъ счетъ, такъ какъ не только солдаты, но и офицеры не знали еще, гдѣ будетъ собранъ отрядъ и куда онъ зачѣмъ выступить.

Слѣдующій сорокаверстный переходъ къ Чирь-Юрту былъ до крайней степени утомителенъ. Теплая погода такъ распустила землю, что мы всю дорогу вязли по колѣно въ грязи и только къ вечеру могли кое какъ дотащиться до мѣста ночлега. О палаткахъ и вещахъ нечего было и думать: весь обозъ такъ застрялъ въ дорогѣ, что ранѣе другого дня его ожидать было нельзя. Волей-неволей пришлось расплагаться подъ открытымъ небомъ, и оно, какъ нарочно, начи-

нало сильно хмуриться, собираясь вотъ-вотъ прыснуть дождемъ или снѣгомъ.

И какъ было не позавидовать тогда нашимъ старымъ офицерамъ, захватившимъ съ собою свои вьюки, въ которыхъ у нихъ была и закуска, и чай, и даже брезентъ, чтобы укрыться въ случаѣ непогоды! Но высшимъ удобствомъ всё-таки пользовались тѣ, кто имѣлъ у себя парадные сундуки съ переплетомъ для спанья. Въ одномъ изъ этихъ сундуковъ укладывалась кухня, самоваръ и запасъ сѣтного,—въ другомъ платье, бѣлье и вещи, необходимыя офицеру въ походѣ. Этимъ счастливымъ уже не грозила никакая непогода, и они спокойно могли предаваться отдыху не опасаясь ни дождя, ни холода.

По маршруту въ Чирь-Юртъ намъ приходилось дѣлать дневку, что послѣ большого и труднаго перехода было очень кстати, тѣмъ болѣе, что до Хасавъ-Юрта предстояло опять мѣсить грязь около тридцати верстъ и при томъ оставаться весь день на однихъ сухаряхъ, такъ какъ по мѣстнымъ условіямъ кухню выслать впередъ было нельзя.

Впрочемъ, къ нашему благополучію, въ ночь передъ выступленіемъ изъ Чирь-Юрта, легкій морозецъ такъ хорошо сковалъ землю, что благодаря этому, мы успѣли безъ большого труда добраться еще за свѣтло до Хасавъ-Юрта и расположились тамъ бивакомъ. Здѣсь находились уже въ сборѣ четыре баталіона Апшеронскаго полка, 21-й стрѣлковый баталіонъ, полубригада полевой артиллеріи, одна горная батарея и семь эскадроновъ и сотенъ кавалеріи,—Нижегородскихъ драгунъ съ конной милиціей.—Этотъ отрядъ, съ присоединеніемъ къ нему нашихъ баталіоновъ, долженъ былъ двинуться изъ Хасавъ-Юрта въ ауховское общество, разорить прилегавшія къ рѣкамъ Ярыкъ-су и Яманъ-су чеченскіе аулы, и затѣмъ начать военныя дѣйствія въ самой Ичкеріи.

Рано утромъ 1 Марта отрядъ выступилъ со сборнаго пункта на Кишень-Аухъ и, пройдя отъ него около пятнадцати верстъ, расположился лагеремъ на мѣстности испещренной по разнымъ направленіямъ глубокими балками и оврагами. Нашему баталіону въ тотъ день выпала очередь идти въ арріергардъ колонны и потому, не доходя еще до бивака, командиръ баталіона получилъ приказаніе занять его баталіономъ пѣхоты, выставивъ ихъ по ротно на высотахъ вокругъ всего лагернаго расположенія. Ни палатокъ, ни кухонь,—а тѣмъ болѣе ве-

щей,—намъ, конечно, на пикеты не дали и потому остальную часть сутокъ предстояло провести на голой, промерзлой землѣ и притомъ поголодать, такъ какъ кромѣ солдатскихъ сухарей у насъ съ собою ничего не было. Положеніе выходило такъ не завидно, что я рѣшился тотчасъ же идти въ большой лагерь, надѣясь перекусить что нибудь у своего дяди и еще засвѣтло возвратиться на пикетъ.

Заручившись на этотъ случай разрѣшеніемъ командира роты, я перекинулъ черезъ плечо ружье и направился прямо на палатки, которыя бѣлѣлись на вершинѣ горы, не болѣе какъ въ полуверстѣ отъ насъ. Какъ ни близко было до лагеря, а мнѣ однако долго пришлось блуждать по балкамъ и оврагамъ, въ которыхъ мѣстами лежалъ еще снѣгъ, пока, наконецъ я добрался до палатки дяди, но за то къ своему удовольствію, я нашелъ у него не только вкусный походный обѣдъ, но и готовый чай, о которомъ мечталъ болѣе всего идя съ пикета.

Прохлаждаться долго однако было нельзя; я осмотрѣлъ ружье, перебрѣнулъ въ немъ капсюль и, попрощавшись съ дядею тѣмъ же путемъ отправился обратно.

Взявъ, какъ мнѣ казалось, вѣрное направленіе къ пикету я сталъ спускаться съ горы и совершенно не замѣтилъ, какъ очутился вскорѣ на днѣ большого оврага. Отсюда не видно было ни лагеря, ни пикета и царила глубокая тишина, при которой невольно становилось какъ-то жутко. А короткій мартовскій день уже клонился къ вечеру; густыя сумерки быстро надвигались на землю и все болѣе заволакивали окружающіе предметы. Опасаясь какъ бы не запутаться въ лабиринтѣ овраговъ я старался припомнить путь по которому шелъ въ лагерь, какъ вдругъ, съ правой стороны, изъ лѣсной балки послышался выстрѣлъ и въ тотъ же мигъ надъ головою моею прожужжала пуля, ударившись въ землю всего лишь въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня. Теперь очевидно было, что я сбился съ пути и зашелъ слишкомъ далеко за черту бивачнаго охраненія.

Не рѣшаясь идти дальше я хотѣлъ было уже вернуться назадъ въ лагерь, какъ въ это время мнѣ кто то крикнулъ съ горы.

—Эй кунакъ!—куда айда?¹⁾

1) Эй пріятель?—куда идешь.

Я вскинулъ глаза кверху и тутъ только увидѣлъ на одномъ изъ выступовъ горы небольшую кучку горцевъ, которые съ любопытствомъ смотрѣли на меня, но не трогались однако съ мѣста.

—Тамъ шайтанъ садись,—твоя уруби,¹⁾ крикнулъ мнѣ опять одинъ изъ горцевъ.

Сообразивъ, что такое предупрежденіе мнѣ могли сдѣлать только свои я быстро вскорабкался къ горцамъ и по краснымъ башлыкамъ узналъ нашихъ милиціонеровъ, занимавшихъ передовой пикетъ. Кое-какъ, мѣшая русскія слова съ татарскими, я объяснилъ милиціонерамъ, что ищу солдатскій пикетъ, но запутался въ горахъ и не знаю какъ пройти къ нему.

—Салдусъ садись тамъ,²⁾—проговорилъ одинъ изъ милиціонеровъ, и указалъ въ лѣвую сторону на мелькавшій вдаль огонекъ небольшого костра.

—Чохъ сауль³⁾, поблагодарилъ я татарина и ужъ не разбирая овраговъ, чуть не бѣгомъ, пустился прямо на этотъ огонекъ.

—Что вамъ была за охота, юный мой, идти изъ лагеря такъ поздно на пикетъ?! Вѣдь здѣсь очень опасно,—говорилъ мнѣ ротный командиръ, когда я подошелъ къ костру, около котораго онъ лежалъ на разостланной буркѣ и покуривалъ папиросу.

Я рассказалъ капитану какъ я блуждалъ по оврагамъ, и какъ было не подвергся большой опасности, зайдя слишкомъ далеко.

—И очень легко могли попасть подъ чеченскую пулю, если не прямо въ лапы чеченцевъ,—сказалъ капитанъ примащивая себѣ подъ голову сюртукъ и закутываясь теплымъ пальто.—Эти Ичкеринцы,—продолжалъ онъ,—очень смѣлый и ловкій народъ; они отлично умѣютъ пользоваться всякимъ случаемъ нашей оплошности, и, навѣрное какъ ищейки рыщутъ теперь партіями и въ одиночку около нашего лагеря. Совѣтую, юный мой, никогда не рисковать такъ, въ особенности безъ всякой къ тому надобности. Ну, а теперь,—заключилъ капитанъ,—вы можете располагаться около костра и отдохнуть послѣ вашего вояжа.—

1) Тамъ недобрый человекъ сидитъ—тебя убьетъ.

2) Солдаты стоятъ тамъ.

3) Очень благодаренъ.

Конечно, я съ признательностію принялъ добрый совѣтъ моего командира и, воспользовавшись его разрѣшеніемъ тотчасъ же растянулся на самомъ припекѣ костра.

Но этимъ бивачнымъ удобствомъ намъ пришлось пользоваться не долго: вскорѣ явился изъ лагеря драгунъ съ приказаніемъ отъ начальника отряда потушить на пикетѣ огонь, чтобы не привлечь тѣмъ горцевъ, которые умѣютъ очень тихо подползать ночью къ пикетамъ и, мѣтя на огонь, часто совершенно безнаказанно подстрѣливаютъ людей.

Какъ ни жалко было разставаться съ костромъ, но приказаніе нужно было исполнить, и немедленно потушить огонь. Впрочемъ ночь во всемъ станѣ прошла спокойно. Утромъ на слѣдующій день насъ смѣнила рота другого полка, и мы перешли въ общій лагерь, размѣстившись, наконецъ, въ своихъ палаткахъ.

Первыя дѣйствія нашего отряда начались набѣгомъ на чеченскій аулъ Гассанъ-Бекъ-Кентъ. Помню, наканунѣ вечеромъ, въ палатку моего дяди собралось нѣсколько офицеровъ, въ числѣ которыхъ былъ капитанъ Клюки-фонъ-Клугенау.¹⁾ Погода стояла ненастная: дождь хлесталъ вторыя сутки не переставая ни на минуту. но въ палаткѣ, гдѣ посрединѣ теплился манголь, а на походномъ столикѣ шипѣлъ самоваръ и стояла бутылка съ ромомъ,—было и тепло и уютно. Бесѣда вертѣлась большею частію на воспоминаніяхъ про старое кавказское житье-бытье, но, по обыкновенію, въ концѣ-концовъ свелась на болѣе интимный характеръ. Капитанъ Клугенау, человекъ долгое время вращавшійся въ лучшемъ обществѣ Закавказья, рассказывалъ много любопытныхъ случаевъ о романическихъ приключеніяхъ людей того круга и, между прочимъ, рассказалъ объ одной пирушкѣ, на которой г-жа Б....кая, жена одного изъ лицъ занимавшихъ видное положеніе въ Тифлисѣ,—очень красивая женщина, но отличавшаяся крайнею эксцентричністію,—появилась вдругъ среди мужской компаніи въ костюмѣ состоявшемъ лишь только изъ одной пуговицы!²⁾... Рассказы капитана по своей веселости были очень любопытны, но, къ сожалѣ-

1) Николай Францовичъ Клюки-фонъ-Клугенау былъ сынъ командующаго войсками Сѣвернаго Дагестана,—сподвижника генерала Головина, который въ тридцатыхъ годахъ прошлаго столѣтія командовалъ отдѣльнымъ кавказскимъ корпусомъ.

2) Рассказъ объ этомъ курьезномъ случаѣ я слышалъ и отъ другихъ лицъ, когда впоследствии находился въ Тифлисѣ, и потому въ достовѣрности его едва ли можно сомнѣваться.

нію, они прерваны были нашимъ адъютантомъ, подпоручикомъ Лаворко, который войдя въ палатку въ мокрой буркѣ, обрызганной грязью, доложилъ моему дядѣ, что на завтрашній день назначенъ набѣгъ и баталіону послѣ ранняго обѣда быть готовымъ къ 5 часамъ утра для выступленія, оставивъ въ лагерѣ только больныхъ и слабыхъ.

—Славное дѣло! воскликнули офицеры хлопнувъ въ ладоши, и, наскоро распрощавшись, поспѣшили разойтись, чтобы сдѣлать необходимые распоряженія на завтрашній день, такъ какъ было уже довольно поздно.

Набѣги въ кавказской войнѣ предпринимались весьма нерѣдко, но небольшими, легкими отрядами, такъ какъ главная цѣль набѣга состояла или въ томъ, чтобы напасть на непріятельскій аулъ въ распахъ, разорить и сжечь его, или просто отбить у горцевъ скоть, о количествѣ и мѣстѣ нахожденія котораго собирались предварительно точныя свѣдѣнія отъ лазутчиковъ,—и, совершивъ такую операцію, быстро затѣмъ отступить, не давъ непріятелю время собраться для преслѣдованія.

Само собою, что такія предпріятія сопряжены были для маленькаго отряда всегда съ нѣкоторою опасностью, но набѣги входили въ образъ веденія нашей войны, и главной основой ихъ были не только вѣрный расчетъ, но и точное исполненіе заранѣе составленнаго плана. И если при обыкновенномъ походномъ движеніи всякаго заболѣвшаго или отставшаго приходилось подбирать особо назначеннымъ для того людямъ и вести этого слабаго подъ руки, а вещи его тащить на себѣ,—то въ набѣгѣ, гдѣ успѣхъ предпріятія зависѣлъ главнымъ образомъ отъ быстроты движенія, дѣло обстояло уже иначе. Тутъ всякій отвѣчалъ самъ за себя, почему въ набѣгъ и выбирались всегда люди сильные и выносливые. Ротные командиры передъ выступленіемъ въ набѣгъ обыкновенно предупреждали своихъ солдатъ, что всякій отставшій и даже заболѣвшій дорогою будетъ оставленъ на произволь судьбы, и объявляли при этомъ, что тотъ, кто чувствуетъ себя не вполне крѣпкимъ,—можетъ оставаться въ лагерѣ.

Утромъ 5-го Марта, едва лишь въ палатку стали пробиваться первые проблески разсвѣта, какъ дядя мой разбудивъ меня, началъ торопить скорѣе одѣваться. Самъ онъ былъ уже въ походныхъ сапо-

гахъ и окончивъ свой чай покуривалъ трубочку сидя на кровати, около которой приготовлены были всѣ его походныя вещи.

Я наскоро сдѣлалъ нѣсколько глотковъ горячаго чая, набилъ на всякій случай карманы солдатскими сухарями и черезъ нѣсколько минутъ стоялъ уже въ рядахъ своей роты.

Отрядъ тронулся изъ лагерей около 5 часовъ утра, имѣя въ авангардѣ стрѣлковый баталіонъ и полубатарей горной артиллеріи. Точно ныряя въ волнахъ океана, то спускаясь въ глубокія балки, то взбираясь на вершины лѣсистыхъ холмовъ, мы шли форсированнымъ маршемъ и, пройдя около восьми верстъ, спустились, наконецъ, къ рѣкѣ Ярыкъ-су, на противоположной сторонѣ которой находился небольшой чеченскій аулъ Гассанъ-Бекъ-Кентъ.

Это селеніе пріютилось на узкой, покрытой лѣсомъ террасѣ, которая имѣла справа и слѣва довольно глубокія и трудно проходимыя балки, и съ нагорной стороны примыкало къ большому чинаровому лѣсу, тянувшемуся широкой полосой до самыхъ высотъ праваго берега Ярыкъ-су. Прямо отъ селенія къ рѣкѣ шелъ пологій спускъ съ рѣдкою зарослью молодого орѣшника, и только лишь съ этой стороны представлялъ сколько нибудь возможный подступъ къ аулу Гассанъ-Бекъ.

Вотъ этотъ-то аулъ баронъ Врангель и рѣшилъ разорить, чтобы тѣмъ заставить жителей этого селенія и другихъ, расположенныхъ по правому берегу Ярыкъ-су, выселиться изъ предѣловъ Ичкеріи.

Въ ту пору Ярыкъ-су, почти вездѣ проходима въ бродъ, — вслѣдствіе выпавшаго передъ тѣмъ большого дождя и таянія снѣговъ, въ горахъ, — имѣла очень высокую воду, и съ такою стремительностію катила свои мутныя волны, что перейти ее вбродъ можно было не иначе, какъ сплошною массою людей. Не считая это большимъ препятствіемъ для переправы, баронъ Врангель приказалъ пустить черезъ рѣку сначала кавалерію, и когда оказалось, что вода въ самомъ глубокомъ мѣстѣ достигала лишь только до груди лошади, — сдѣлалъ распоряженіе переправляться немедленно тутъ и всему отряду.

Въ одинъ мигъ горная артиллерія положила орудія на вьюки, связала по три лошади въ рядъ и спустилась въ воду, а вслѣдъ за ней двинулась и пѣхота.

Не снимая обуви и ухватившись руками другъ съ другомъ, солдаты длинными шеренгами начали переходить рѣку. Хотя сильный напоръ воды и при такомъ способѣ довольно много сдвигалъ людей съ первоначально взятаго ими направленія, однако весь отрядъ благополучно переправился на другую сторону и только лишь потерялъ нѣсколько ружей упущенныхъ солдатами въ воду, да одинъ артиллерійскій ящикъ со снарядами, какъ-то сорвавшійся съ вьючнаго сѣдла,— что, вмѣстѣ съ ружьями, такъ и осталось достояніемъ Ярыкъ-су. Но это, впрочемъ, были не важные трофеи этой, бушевавшей въ то время, рѣки.

Перейдя на правый берегъ Ярыкъ-су отрядъ не теряя времени для переобуванія,—хотя у всѣхъ сапоги были полны водою,—быстро повелъ наступленіе на аулъ, выставивъ въ тоже время три роты нашего баталіона со взводомъ артиллеріи на позицію за лѣвою балкою. Тутъ колонна расположилась, разсыпавъ по крайнѣ балки густую цѣпь, въ серединѣ которой стали орудія горной батареи.

Внезапное появленіе нашего отряда у аула Гассанъ-Бекъ привело горцевъ въ такое смятеніе, что они не успѣли даже вывести изъ селенія всѣхъ семействъ, но угнали однако весь свой скотъ и, послѣ незначительной перестрѣлки, стали быстро отступать къ лѣсу. Преслѣдуя горцевъ, наша главная колонна втянулась за ними также въ лѣсъ, а тѣмъ временемъ аулъ, подоженный солдатами, уже началъ пылать во многихъ мѣстахъ.

Съ добрый часъ намъ пришлось пролежать, наблюдая съ своей позиціи какъ погибалъ аулъ Гассанъ-Бекъ. Наконецъ по звуку выстрѣловъ, которые стали раздаваться все ближе и ближе, можно было опредѣлить, что началось отступленіе нашей колонны изъ лѣсу. Дѣйствительно, въ аулѣ вскорѣ показались солдаты, главное отбитый у непріятели скотъ, а за тѣмъ и отступавшія роты, ведя живую перестрѣлку съ горцами, которые теперь сами перешли въ преслѣдованіе русскихъ.

Много лѣтъ прошло съ того времени, а мнѣ и теперь съ полною ясностію представляется картина того страшнаго погрома, который происходилъ тогда передъ моими глазами.

Тамъ, въ отдаленіи гремѣли выстрѣлы, гулко раздававшіеся по лѣсу; здѣсь изъ селенія неслись отчаянные вопли женщинъ и дѣтей

охваченныхъ паническимъ страхомъ, подъ вліяніемъ котораго они метались по аулу отыскивая безопасное мѣсто, гдѣ можно было бы укрыться отъ пуль и огня; трескъ горѣвшихъ сакель, съ грохотомъ валившихся одна за другою; неистовый лай собакъ, переходившій въ дикія завыванія и, въ довершеніе къ этому, самый необузданный грабежъ нашими милиціонерами послѣдняго достоянія бѣдныхъ жителей этого аула.

Я видѣлъ какъ эти мародеры, швыря въ дыму по саклямъ, тащили оттуда кто каймакъ, кто кубышку съ медомъ, ловили куръ и тутъ же, свернувъ имъ головы обвѣшивали себя этими трофеями: видѣлъ какъ тѣ же милиціонеры стаскивали съ обезумѣвшихъ женщинъ чадры, срывали съ нихъ ожерелья украшенныя серебрянными монетами и, забравъ все это, бѣжали дальше искать другой добычи.

Захвативъ въ плѣнъ нѣсколько чеченскихъ семействъ и около полусотни головъ рогатаго скота, главная колонна стала спускаться къ рѣкѣ. Чеченцы, продолжая преслѣдованіе русскихъ, ринулись къ аулу, но едва толпы ихъ замелькали между горѣвшими саклями, какъ наши роты, расположенныя по гребню горы за лѣвымъ оврагомъ, пустили въ аулъ такой градъ пуль и картечи, что чеченцы въ одинъ мигъ разсыпались, оставивъ на мѣстѣ нѣсколько человекъ убитыми и ранеными.

Впрочемъ дѣйствіе нашей горной батареи было до того ничтожно. что она придавала только лишь нѣкоторый эффектъ общему огню, но едва ли нанесла много вреда чеченцамъ. такъ какъ ея снаряды даже не всѣ долетали до аула, хотя разстояніе до него не превышало и 500 шаговъ. Конечно, будь при насъ лучшая артиллерія — пораженіе горцевъ было бы еще болѣе ужасно.

Подъ прикрытіемъ нашихъ трехъ ротъ главная колонна и артиллерія довольно скоро переправилась обратно черезъ рѣку, а за ними, подъ прикрытіемъ баталіона стрѣлковъ, перебралась на другую сторону и наша колонна. Здѣсь, на нѣкоторое время, отрядъ былъ приостановленъ, чтобы привести всѣ части въ надлежащій порядокъ и вмѣстѣ съ тѣмъ дать время плѣннымъ переправиться черезъ Ярыкъ-су, которая по глубинѣ и быстротѣ своего теченія представляла для чеченскихъ семействъ много затрудненій. и въ особенности для ихъ тяжело нагруженныхъ арбъ.

Послѣдними переправились драгуны и не останавливаясь пошли мимо насъ впередъ. Эти молодцы, какъ мы замѣтили, успѣли тоже за-

пастьсь кое-чѣмъ въ аулѣ, а одинъ изъ нихъ даже везъ лѣтъ двухъ дѣвочку укутанную въ какія то лохмотья, примостивъ ее на передней лукѣ своего сѣдла.

Это заинтересовало многихъ офицеровъ и кто-то спросилъ у драгуна—куда онъ везетъ эту малютку.

—Да вотъ, ваше благородіе,—сказалъ драгунъ, пріостановивъ коня,—эту дѣвчурку мы нашли въ саклѣ. Мать, должно быть ее, лежала убитая у порога въ саклю, а возлѣ нее сидѣла вотъ эта дѣвочка. Жалко было оставить малютку,—вѣдь можетъ помереть съ голоду безъ матери, подумалъ я,—и взялъ ее себѣ. Дѣтьми Господь Богъ не благословилъ насъ съ моею старухою, такъ вотъ хочу воспитать сиротку,—добавилъ добрякъ солдатъ, и, усадивъ свою маленькую плѣнницу поудобнѣе въ сѣдлѣ, поѣхалъ догонять свой эскадронъ *).

Какъ водилось у насъ въ такихъ случаяхъ, войска бывшіе въ набѣгѣ, по возвращеніи въ лагерь получили по быку на роту, а за труды по лишней чаркѣ водки. Скоро всѣ костры запрудились котелками съ разными похлебками, зашипѣли за палатками офицеровъ шашлыки на шампурахъ и ужинъ у всѣхъ въ тотъ день вышелъ, на славу.

Здѣсь отрядъ нашъ простоялъ еще два дня и затѣмъ потянулся въ долину рѣки Яманъ-су, къ большому аулу Баши-юртъ, который расположенъ былъ среди дремучаго лѣса на самомъ берегу Яманъ-су.

Хороша природа Большой Чечни въ ту пору весны. Мы шли по долинѣ окаймленной невысокими горами, поросшими рѣдкимъ чинаровымъ лѣсомъ, почти уже совсѣмъ одѣвшимъ молодою листвою. День былъ теплый; яркіе лучи солнца, падая съ высоты безоблачнаго неба, придавали особенную свѣжесть зелени и въ особенности молодой травкѣ, которая точно бархатный коверъ разстилалась по долинѣ и манила понѣжиться на ней подъ тѣнью развѣсистыхъ чинаръ, росшихъ по сторонамъ дороги. А тамъ, вдали по высотамъ зеленѣли прекрасные всходы хлѣбныхъ полей. общая жителямъ этой благодатной страны обильный сборъ, который могъ обезпечить ихъ благосостояніе на долгое время.

*) На Кавказѣ во время войны во многихъ полкахъ были призрѣваемы дѣти—по преимуществу сироты взятыя при разгромѣ татарскихъ селеній. Мальчики-сироты росли въ солдатскихъ семействахъ, а дѣвочки нерѣдко получали названіе *дочери полка*, и воспитывались на средства офицеровъ въ какомъ нибудь женскомъ заведеніи, оставаясь до замужества на попеченіи полка.

Казалось здѣсь само небо давало все для счастья человѣка, посылая ему миръ, радость и благоденствіе.

Но не миръ и радость сулилъ тотъ день аулу Баши-юртъ, куда теперь шель русскій отрядъ разметать это гнѣздо хищниковъ, которые своими набѣгами на станицы Терской линіи постоянно тревожили станичниковъ, отбивали у нихъ скоть и не рѣдко уводили въ плѣнъ у казаковъ цѣлыя семейства, въ расчетѣ получить потомъ за нихъ выкупъ.

Теперь насталъ и для этихъ хищниковъ часъ возмездія!

Отрядъ не прошелъ и десяти верстъ по долинь, какъ впереди послышались пушечные выстрѣлы и частые перекаты ружейной палбы. Это начинали Апшеронцы, которые, слѣдуя въ передовомъ отрядѣ, перешли въ бродъ рѣку Яманъ-су и быстро повели наступленіе на аулъ Баши-юртъ. Горцы, засѣвъ по саклямъ и за загражденіями, какъ видно заранѣе ими устроенными по берегу рѣки, защищались упорно, но оказать большого сопротивленія Апшеронцамъ не могли и, бросивъ аулъ скоро отступили въ лѣсъ. Дѣло было жаркое. Апшеронцы приступомъ взяли въ короткое время всѣ загражденія горцевъ, захватили въ плѣнъ много чеченскихъ семействъ и сожгли до основанія весь аулъ.

Намъ не пришлось принять участіе въ этомъ дѣлѣ такъ какъ, находясь въ арріергардѣ отряда, мы подошли къ мѣсту боя въ то время, когда уже было все кончено, и только по густымъ клубамъ дыма, взвивавшимся надъ обгорѣлыми остовами сакель, можно было еще видѣть, гдѣ находился аулъ Баши Юртъ, теперь стертый русскими съ лица земли.

Вблизи сгорѣвшаго аула, и частію по лѣвую сторону рѣки, отрядъ и расположился бивакомъ. Пока разбивали палатки я спустился къ рѣкѣ, гдѣ шла переправа захваченныхъ въ плѣнъ чеченскихъ семействъ. Тамъ по обѣимъ берегамъ стояло до сотни арбъ нагруженныхъ разнымъ домашнимъ скарбомъ плѣнныхъ, часть которыхъ уже переправилась черезъ рѣку, а другая ожидала своей очереди на другой сторонѣ. Бродъ былъ узокъ и сильно замедлялъ переправу арбъ, около которыхъ толпилась масса женщинъ, дѣтей и стариковъ, но между ними не видно было ни одного, кто могъ бы владѣть оружіемъ. Тѣ не сдались въ плѣнъ, и одни предпочли сложить свои головы подъ рус-

скими штыками, а другіе скрылись въ лѣса, затаивъ непримиримую злобу къ гяурамъ, которые пришли разорить ихъ родное пепелище и тѣмъ лишить послѣдняго крова.

IV.

Цѣлую недѣлю отрядъ нашъ простоялъ у рѣки Яманъ-су. Баронъ Врангель, находя что это мѣсто можетъ служить удобнымъ этапомъ для оказій, слѣдовавшихъ изъ отряда на линію, рѣшилъ устроить здѣсь укрѣпленный лагерь и для этого приказалъ обнести его ровомъ съ колючею изгородью; возвели для обезпеченія этого лагеря, въ тылу его, небольшой редутъ и затѣмъ приступили къ рубкѣ лѣса въ долину рѣки Яманъ-су.

Рубка лѣса въ непроходимыхъ дѣбряхъ Ичкеріи, покрытой почти сплошь вѣковымъ чинаровымъ лѣсомъ, — далеко не легкая работа. Тамъ, напримѣръ, нерѣдко можно встрѣтить деревья въ нѣсколько десятковъ сажень вышины съ толщиною въ два-три обхвата, и чтобы свалить такого великана, — нужно повозиться около него немало времени, да и то при непрерывной работѣ нѣсколькихъ человѣкъ. Самая эта работа состояла въ слѣдующемъ: по приходѣ на мѣсто, прежде всего, весь участокъ предназначенный къ вырубкѣ, окружался цѣпью солдатъ, на обязанности которыхъ было зорко слѣдить за появленіемъ въ лѣсу горцевъ и прислушиваться ко всякому шороху впереди себя; затѣмъ начальникъ колонны указывалъ гдѣ стать артиллеріи съ ея прикрытіемъ и, удостовѣрившись что всѣ заняли свои мѣста, подавалъ сигналъ приступить къ работѣ. Солдаты, распределенные по кучкамъ, расходились на указанные имъ участки и работа начиналась.

И вотъ безмолвный лѣсъ вдругъ оживился. Застучали сотни топоровъ по деревьямъ, послышались громкія пѣсни солдатъ, гдѣ-то затянули „дубинушку“ — и передъ глазами знакомая картина далекой родины. Такъ проходитъ около получаса и вдругъ, гдѣ нибудь въ сторонѣ, проносится крикъ: „Берегись, братцы, берегись!“ а вслѣдъ затѣмъ раздается страшный грохотъ упавшаго дерева.

Любилъ я, бывало, слѣдить на рубкѣ лѣса за паденіемъ деревьевъ и въ особенности большихъ. Вотъ передъ вами стоитъ громадная чинара; она на половину уже подрублена у корня, но гордо еще держится, раскинувъ свои широкія вѣтви по сторонамъ. Около нее вьются добрые полчаса четыре человѣка, и вдругъ вы замѣчаете, что

этотъ великанъ, котораго, казалось, не могла сокрушить никакая сила, начинаетъ медленно покачиваться изъ стороны въ сторону и дѣлаетъ какъ будто размахъ. Ухъ!—даже жутко станеть, когда видишь какъ такой исполинъ, захвативъ нѣсколько стоявшихъ вблизи деревьевъ и, сломивъ ихъ какъ тонкія жердочки, со страшнымъ трескомъ валится вмѣстѣ съ ними на землю. Тутъ уже смотри, какъ говорится, „въ оба“, чтобы не угодить подъ то, либо другое дерево, которое при паденіи можетъ въ одинъ мигъ не только искалчить, но и превратить зазѣвавшагося въ безформенную массу. Я помню, какъ однажды, не успѣвъ отбѣжать отъ валившихся сразу двухъ деревьевъ, я чуть было не попалъ подъ одно изъ нихъ, и избѣжалъ неминуемой смерти только потому, что былъ накрытъ одними лишь молодыми вѣтвями, которыя однако меня такъ помяли, что я потомъ нѣсколько дней чувствовалъ довольно сильную боль во всемъ тѣлѣ.

Начинается рубка лѣса обыкновенно съ ранняго утра, продолжаясь часовъ до четырехъ дня; затѣмъ солдаты раскладываютъ огонь подъ срубленные деревья и, въ ожиданіи отбоя, собираются кучками къ кострамъ. Тутъ можно и отдохнуть послѣ трудовъ цѣлаго дня, можно и поболтать на досугѣ другъ съ другомъ, да и затянуться табачкомъ, благо есть чѣмъ закурить трубочку, не прибѣгая къ кремню и огниву. Но вотъ настаетъ, наконецъ, время окончанія работы. Звучитъ сигналъ отбоя, за нимъ „сборъ“. Тотчасъ же снимается оцѣпление, артиллерія подѣзжаетъ къ сборному пункту и колонны въ опредѣленномъ порядкѣ возвращаются въ лагерь. На слѣдующій день очередные баталіоны идутъ опять къ тому же мѣсту и рубка лѣса продолжается дальше.

Такъ идетъ изо дня въ день, пока работа не будетъ окончена на всемъ протяженіи извѣстнаго участка.

Къ 13-му Марта всѣ работы на намѣченномъ участкѣ были окончены и баронъ Врангель, устроивъ въ нашемъ лагерѣ вагенбургъ со складомъ провіанта и фуража, оставилъ въ немъ баталіонъ пѣхоты съ двумя орудіями и съ остальнымъ отрядомъ на слѣдующій же день предпринялъ движеніе вверхъ по Яманъ-су. Это передвиженіе имѣло цѣлью продолжить просѣку къ аулу Аллерой, расположенному въ самомъ сердцѣ Ичкеріи и, вмѣстѣ съ тѣмъ, отвлечь часть горцевъ изъ аула Ведено, противъ котораго генералъ Евдокимовъ велъ тогда правильную осаду, предполагая въ скоромъ времени произвести своими войсками штурмъ этаго укрѣпленнаго аула.

Переходъ до новой позиціи предстояло намъ сдѣлать небольшой, но этотъ переходъ надолго останется у меня въ памяти, такъ какъ вмѣстѣ съ нимъ связано воспоминаніе о первомъ жаркомъ дѣлѣ, въ которомъ мнѣ пришлось участвовать въ Чечнѣ.

Нужно сказать, что путь слѣдованія нашего отряда долженъ былъ проходить по лѣвому берегу Яманъ-су, которая въ одномъ мѣстѣ врѣзывалась въ узкое ущелье, покрытое чащею густого лѣса. Имѣя черезъ лазутчиковъ свѣдѣніе, что въ этомъ ущельѣ засѣлъ большой отрядъ чеченцевъ, съ намѣреніемъ не пропустить тамъ русскій отрядъ, баронъ Врангель рѣшилъ, однако, направить главную колонну по этому именно пути, какъ болѣе удобному для колеснаго обоза, и для обезпеченія его, приказалъ выслать боковой отрядъ. Этотъ отрядъ долженъ былъ слѣдовать по высотамъ лѣвой стороры Яманъ-су и могъ не только прикрывать главную колонну съ ея обозомъ, но своимъ обходнымъ движеніемъ принудить даже горцевъ бросить занятое ими ущелье, которое въ этомъ случаѣ теряло для нихъ всякое значеніе.

По диспозиціи походнаго движенія на 14 Марта, въ правый боковой отрядъ назначены были 1-й и 4 баталіоны Дагестанскаго полка, одна полубатарея 21-й артиллерійской бригады и двѣ сотни конной милиціи. Отряду этому предписывалось выступить съ бивака въ 5 часовъ утра, а главной колоннѣ получасомъ позже.

Еще было совсѣмъ темно, когда, снявъ палатки и уложивъ все въ обозъ, отрядъ былъ готовъ къ движенію. Ярко пылавшіе костры, на которые солдаты уходя сносятъ обыкновенно все, что не берутъ съ собою, багровымъ заревомъ отражались на сводѣ сумрачнаго неба и красноватымъ отблескомъ озаряли кучки солдатъ, толпившихся вокругъ огня. Вездѣ шли толки о предстоящемъ движеніи и о проклятомъ *мурдѣ*,—какъ называли солдаты мюридовъ,—который, разсуждали они, навѣрное засѣлъ теперь гдѣ нибудь въ лѣсу и поджидаетъ тамъ русскихъ.

Но вотъ подошло время и къ выступленію. Загромыхали орудія, подвѣзжая къ пѣхотѣ, слышались команды „становись въ ружье“ и баталіоны одинъ за другимъ стали выдвигаться съ бивака.

Дорога снѣгомъ шла на гору и за переваломъ ея, спускаясь крутыми извилинами, выходила на вспаханное поле, поросшее мѣстами кустарникомъ. Начинало свѣтать. Впереди показался раззоренный

аульчикъ, а за нимъ темной полосой громадный лѣсъ, занимавшій почти все пространство, какое только можно было окинуть глазомъ.

Приказано отъ 4-го баталіона выслать роту въ цѣпь; но едва лишь она разсыпалась, какъ изъ дальнихъ кустовъ замелькали частые выстрѣлы;—это было первая привѣтствія чеченцевъ нашему отряду.

Завязалась живая перестрѣлка; но разстояніе отъ нашей цѣпи до кустовъ занятыхъ чеченцами было такъ велико, что перестрѣлка эта не принесла ни намъ, да, вѣроятно, и чеченцамъ никакого вреда. Любопытно однако было наблюдать съ какимъ проворствомъ и ловкостію горцы умѣли пользоваться всякаго рода закрытіями: какой нибудь пенекъ, дерево, маленькій бугорокъ—все служило горцу хорошею защитою отъ нашихъ пуль, и не разъ приходилось видѣть, какъ, сдѣлавъ выстрѣлъ, онъ въ тотъ-же мигъ исчезалъ изъ своей засады невѣдомо куда. Наши солдаты, въ особенности недавно прибывшіе въ кавказскія войска и, конечно, далеко еще неопытные. имѣли обыкновеніе стрѣлять на дымокъ выстрѣла, показавшагося изъ за дерева или куста, не видя даже иногда и противника, но уловить въ такомъ случаѣ горца было очень трудно и, надобно сознаться,—въ этомъ отношеніи они всегда имѣли передъ нами неоспоримое превосходство.

Между тѣмъ въ авангардѣ, который повернувъ влѣво поднялся на гору, слышались пушечные выстрѣлы и учащенная трескотня ружейной пальбы. Очевидно было, что тамъ собралась большая партія горцевъ и дѣло принимало серьезный оборотъ. Дѣйствительно, вскорѣ къ намъ прискакалъ адъютантъ начальника отряда съ приказаніемъ отъ него 4-мъ баталіону снять цѣпь и немедленно итти на выстрѣлы.

Быстро собравшись въ колонну баталіонъ ускореннымъ шагомъ сталъ подниматься на гору, но густой трудно проходимый лѣсъ заставилъ роты такъ растянуться, что командиръ баталіона, не доходя еще до вершины горы, вынужденъ былъ пріостановить на нѣсколько минутъ всю колонну, чтобы дать ей сомкнуться плотнѣе въ ряды и передъ вступленіемъ въ бой сдѣлать солдатамъ свои указанія.

—Помни, братцы,—говорилъ полковникъ, протискиваясь на лошади между рядами ротъ, —безъ суеты въ дѣлѣ; даромъ патрона не выпускай и сигнала объ отступленіи не слушай, и жди на томъ приказаній. Да смотри „въ оба“, чтобы не потерять изъ вида сосѣдняго штыка и не остаться одному въ лѣсу. — Ну, —теперь съ Богомъ!— закончилъ полковникъ. и двинулъ баталіонъ впередъ.

Вершина горы, на которую мы поднялись представляла довольно обширную поляну, окруженную со всѣхъ сторонъ невысокимъ, но густолиственнымъ лѣсомъ. Тутъ 1-й баталіонъ, принявъ боевое положеніе, велъ жаркую перестрѣлку съ чеченцами, занимавшими всю правую сторону лѣса. На большомъ бугрѣ стояла батарея и громила картечью опушку, изъ которой чеченцы, прикрываясь кустами, отвѣчали сильнымъ огнемъ, направленнымъ главнымъ образомъ на батарею. По видимому сборъ горцевъ былъ большой, но, несмотря на малочисленность нашего отряда. они не рѣшались однако переходить сами въ наступленіе и ограничивались пока, одною, перестрѣлкою. Пользуясь нерѣшительностію чеченцевъ начальникъ колонны приказалъ усилить цѣпь тремя ротами нашего баталіона. 13-ю и 14-ю роты за бугромъ, гдѣ стояла батарея и, обстрѣлявъ учащеннымъ огнемъ опушку,—далъ сигналъ къ атакѣ.

Дружно загремѣло по линіи боевое „ура“. цѣпь сомкнувшись въ ряды взяла ружья на перевѣсъ и стремительно бросилась къ опушкѣ.

Горцы отступили въ глубину лѣса; но преслѣдовать ихъ дальше. въ виду возможности натолкнуться тамъ гдѣ нибудь на засаду,—было очень опасно, и потому цѣпи приказано было остановиться на окраинѣ лѣса и не трогаться впередъ.

Помню, въ это время, шагахъ въ полуторастахъ отъ насъ, на лѣсной прогалинѣ показался джигитъ-чеченецъ въ щегольской темно-коричневой черкескѣ и бѣлой полахъ заломленной ухарски назадъ. Онъ сидѣлъ на прекрасномъ сѣромъ конѣ съ винтовкою въ рукахъ и, по видимому, не обращалъ никакого вниманія на жужжавшія вокругъ него пули. Храбрецъ, казалось, хотѣлъ похвастаться своею удачею и, остановивъ передъ цѣпью коня, сдѣлалъ выстрѣлъ, затѣмъ сталъ было заряжать вновь винтовку, но вдругъ какъ ужаленный, выпустилъ ее изъ рукъ. судорожно схватился за рукоять шашки, и, зашатавшись на сѣдлѣ, какъ снопъ свалился съ лошади.

Роковая пуля, какъ видно, нашла свою жертву и уложила безстрашнаго молодца на мѣстѣ!

Между тѣмъ сборъ горцевъ въ лѣсу ежеминутно увеличивался. а намъ предстояло еще отступать, и отступать при этомъ изъ лѣса, что въ кавказской войнѣ считалось самымъ труднымъ и опаснымъ дѣломъ.

Но прежде, чѣмъ описать наше отступление, нужно сказать, что продолжительная война на Кавказѣ давно уже приучила горцевъ къ многимъ нашимъ военнымъ порядкамъ. Они очень хорошо знали значеніе почти всѣхъ русскихъ сигналовъ, и въ густыхъ лѣсахъ Чечни умѣли такъ этимъ пользоваться, что приводили иногда наши боевыя части въ большое замѣшательство. Тамъ не рѣдко бывали случаи, когда при движеніи русскихъ впередъ, горцы почти совсѣмъ не обнаруживали себя, но едва лишь подавали сигналъ „слушайте всѣ и назадъ“—они вдругъ, какъ будто изъ земли выростали передъ цѣпью, и горе было тѣмъ частямъ, которыя отступали безъ соблюденія необходимыхъ предосторожностей: горцы стремительно нападали тогда на нихъ и не только рубили цѣпь цѣлыми звеньями, но успѣвали при этомъ и захватить съ убитыхъ все ихъ вооруженіе.

А бывали даже и такіе случаи,—какъ рассказывали мнѣ старые кавказцы,—что въ самый разгаръ отчаянной схватки съ русскими, когда по мѣстнымъ условіямъ наши роты были разбросаны въ разныхъ направленіяхъ по лѣсу,—горцы вдругъ сами подавали сигналъ отступления на русскомъ рожкѣ. Принимая этотъ сигналъ за свой, роты начинали отступать, а горцы, только того и ожидавшіе, пользовались происшедшемъ при этомъ у насъ безпорядкомъ и страшно преслѣдовали тогда отступавшихъ.

Во избѣжаніе подобныхъ случаевъ, въ кавказскихъ войскахъ издавно принято было за правило, отступление производить не по сигналу горнистовъ, а по приказанію начальника или заранѣе условленному знаку, на примѣръ,—стуку топора по дереву, пушечному выстрѣлу въ опредѣленномъ мѣстѣ, свистку и тому подобному. Наметка при этомъ у кавказскихъ солдатъ была очень большая, и часто отступление цѣпи по знаку производилось до того тихо, что горцы замѣчали это въ то время, когда цѣпь наша была отъ нихъ уже далеко,—чѣмъ дѣло не рѣдко и кончалось.

Но продолжаю рассказъ. Послѣ нашей атаки и отступления горцевъ въ глубину лѣса, бой мало по малу начиналъ стихать. Артиллерія выпустивъ послѣдніе заряды взяла на передки и отъѣхала назадъ: стрѣльба въ цѣпи становилась все слабѣе и, наконецъ, наступило затишье. Но это затишье продолжалось недолго и только лишь было предвѣстіемъ къ еще болѣе сильной вспышкѣ. Дѣйствительно, едва цѣпь, получивъ приказаніе отступать, начала отходить отъ лѣса, какъ горцы, выжидавшіе повидимому этого времени, огромною массою бро-

сились преслѣдовать отступавшихъ. Завязалась опять сильная перестрѣлка; цѣпь, продолжая отступать, быстро стала разступаться въ стороны и передъ горами разомъ вдругъ открылся фронтъ нашихъ резервовъ, лежавшихъ за бугромъ.

—Рота... пли!—раздалась команда капитана Клугенау;—Рота... пли!—скомандовалъ за нимъ поручикъ князь Андрониковъ своей ротѣ. И дружные залпы двухъ ротъ, одинъ за другимъ грянули въ толпу насѣдавшихъ горцевъ.

Это были страшные залпы, до того ошеломившіе горцевъ, что въ первую минуту они даже пріостановились, но скоро оправились, выхватили шашки и съ крикомъ „алла! алла!“ бросились опять на цѣпь. —Рота...пли!—вторично послышалась команда капитана Клугенау.

—Рота...—началъ было команду и князь Андронниковъ, но въ этотъ моментъ чеченская пуля ударила его въ руку и онъ, обливаясь кровью, упалъ не докончивъ своей команды.

Второй залпъ, не менѣе удачный, привелъ въ полное смятеніе горцевъ; они не выдержали этого удара, и, не подобравъ даже своихъ раненыхъ и убитыхъ, бросились въ разсыпную опять къ лѣсу*).

Этой схваткой дѣло и кончилось. Мы захватили съ перевязочнаго пункта тѣла своихъ убитыхъ, положили раненыхъ на носилки и уже безъ выстрѣла прошли небольшой перелѣсокъ, за которымъ шель спускъ въ долину Яманъ-су.

Вскорѣ съ горы показался и нашъ новый бивакъ. Тамъ на широкихъ плавняхъ уже раскинута были палатки, а за ними курился рядъ котловъ, около которыхъ точно муравьи копошились кучки солдатъ. Очевидно обѣдъ на бивакъ былъ готовъ и тамъ шла раздача пищи.

Обычная, но милая картина для уставшаго, и въ особенности голоднаго человѣка!

*) Нужно замѣтить, что при крайне плохомъ вооруженіи войскъ того времени, дисциплина огня въ кавказскихъ полкахъ доведена была до такого совершенства, что сорвать, наиримѣръ, залпъ или сдѣлать выстрѣлъ ранѣ команды—считалось для роты въ 200 человѣкъ чѣмъ то позорнымъ, и ближайшее начальство такой ротѣ, какъ недостаточно еще подготовленной для боя, избѣгало даже давать серьезныя порученія въ дѣлахъ съ горами.

И съ какимъ, помню, удовольствіемъ, войдя въ палатку, я растянулся на своемъ персидскомъ коврикѣ, проведя весь день на ногахъ. Хотѣлось прежде всего подкрѣпить себя сномъ, но, подъ впечатлѣніемъ пережитаго дня, мнѣ это совсѣмъ не удалось,—сонъ бѣжалъ отъ глазъ моихъ. Передо мною какъ въ калейдоскопѣ, смѣняясь одна другою, мелькали картины происходившаго боя, и казалось, что я даже и теперь еще вижу тѣ искаженныя яростію лица чеченцевъ, когда они, обнаживъ шапки, съ дикимъ крикомъ бросились на нашу цѣпь. Конечно, это были впечатлѣнія человѣка не получившаго еще военной закалки; впоследствии я уже рѣдко имъ поддавался и, послѣ всякаго дѣла, спокойно засыпалъ, воздавая благодареніе Господу, что остался живъ и невредимъ.

Въ тотъ же день, когда стемнѣло, мы отдали послѣднюю честь нашимъ товарищамъ погибшимъ въ бою. Обрядъ погребенія совершился просто: за неимѣніемъ гробовъ, тѣла убитыхъ завернули въ холстъ, прочли надъ ними краткую молитву и опустили всѣхъ въ общую могилу; а на томъ мѣстѣ, гдѣ нашли вѣчное упокоеніе эти доблестные воины развели большой костеръ дабы скрыть тѣмъ могилу отъ горцевъ, большихъ охотниковъ выкапывать тѣла русскихъ съ цѣлью поживиться съ мертвецовъ одеждою и обувью.

Простоявъ одинъ день на этомъ мѣстѣ отрядъ перешелъ къ разоренному аулу Аллерой, отъ котораго нужно было вести просѣку еще около двухъ верстъ. Тутъ мы нашли лишь нѣсколько брошенныхъ ауловъ, но горцевъ нигдѣ болѣе не видѣли:—точно это былъ вымершій край, хотя прекрасно воздѣланныя поля указывали, что жизнь здѣсь еще недавно кипѣла полнымъ ключемъ, но сразу вдругъ застыла, и остановилась.

Работы начались обычнымъ порядкомъ. Въ окрестностяхъ все было тихо и только одинъ случай нарушилъ покой нашего баталіона, заставивъ насъ напрасно промаршировать по холмамъ и оврагамъ около восьми верстъ, да притомъ еще ночью и въ ненастную погоду.

Дѣло произошло такъ: въ одну темную ночь, когда послѣ дневныхъ трудовъ весь лагерь покоился глубокимъ сномъ, къ палаткѣ нашей подсакалъ дежурный по отряду офицеръ и, приказавъ разбудить моего дядю, передалъ ему приказаніе барона Врангеля, чтобы онъ немедленно выступилъ съ своимъ баталіономъ изъ лагера и слѣдовалъ въ залогъ *).

*) Залогъ—тоже, что засада.

— Тамъ, пояснилъ дежурный, баталіонъ вашъ долженъ расположиться по указанію лазутчика и выждать появленіе партіи мюридовъ, которые въ эту ночь будутъ провозить изъ аула Ведено большой транспортъ съ имуществомъ Шамиля.

Этотъ транспортъ баронъ Врангель поручаетъ вамъ отбить у мюридовъ и доставить въ лагерь. —

Принявъ черезъ палатку такое приказаніе отъ дежурнаго, дядя мой еще съ постели крикнулъ:— Четвертый баталіонъ въ ружье!

Быстро за тѣмъ одѣвшись онъ вскочилъ на свою лошадь, находившуюся всегда осѣдланною за его палаткою, и черезъ нѣсколько минутъ уже былъ съ баталіономъ на походѣ къ мѣсту залога*).

Имѣя впереди лазутчика, баталіонъ шелъ безъ дороги, пробираясь чуть не ощупью по холмамъ и оврагамъ. Темь была страшная. Моросилъ мелкій дождь и, проникая холодными струйками за воротникъ шинели, неприятно щекоталъ кожу. Мы проклинали и мюридовъ съ ихъ транспортомъ, и дождь, который вскорѣ такъ размочилъ землю, что съ трудомъ лишь можно было двигаться, подвергаясь опасности на каждомъ шагу либо скатиться въ оврагъ, либо попасть въ какую нибудь трясину, откуда, пожалуй, и ногъ не вытащить.

Пройдя такимъ образомъ около четырехъ верстъ, баталіонъ спустился, наконецъ, въ небольшую балку и, по указанію лазутчика, залегъ на откосѣ ея, шагахъ въ пятнадцать отъ дороги въ Ведено.

Долго намъ пришлось мокнуть подъ дождемъ. Въ баталіонѣ ни шелеста, не слышно ни шопота, — такая тишина, что если бы кто нибудь въ это время проѣхалъ по дорогѣ мимо насъ, онъ, навѣрное, не услышалъ бы со стороны нашей ни малѣйшаго шороха, — точно тутъ и не было живыхъ людей. А вѣдь въ нашей засадѣ находился баталіонъ въ тысячу слишкомъ человекъ, и сдѣлай хоть одинъ изъ нихъ даже небольшое движеніе или слабый лязгъ ружьемъ, — онъ, неминуемо, обнаружилъ бы засаду, и тогда все дѣло могло окончиться для насъ полною неудачею.

*) Замѣчательная быстрота, съ какой кавказскія войска выходили на тревогу была, конечно, дѣломъ ихъ большого навыка, а главное укоренившася обычая солдатъ — въ походѣ спать не раздѣваясь и при этомъ никогда не снимать съ себя ночью обуви.

Между тѣмъ лазутчикъ, посланный командиромъ баталіона развѣдать о партіи и своевременно извѣстить насъ о ея появленіи съ транспортомъ на дорогѣ, не возвращался, и мы уже начали терять надежду подкараулить горцевъ, какъ вдругъ невдалекѣ послышался выстрѣлъ, потомъ другой, третій и затѣмъ все смолкло. Баталіонъ по знаку командира ползкомъ передвинулся ближе къ дорогѣ, но, къ сожалѣнію, дѣло кончилось однимъ пустякомъ. Вскорѣ явился лазутчикъ и сообщилъ полковнику, что недалеко отъ насъ дѣйствительно показалось было довольно значительная партія конныхъ мюридовъ, направлявшаяся какъ разъ по той дорогѣ, гдѣ находился нашъ залогъ, но, по неизвѣстной ему причинѣ, эта партія вдругъ остановилась, сдѣлала нѣсколько выстрѣловъ и, повернувъ назадъ, быстро скрылась въ темнотѣ.

Такъ ли произошло въ дѣйствительности все это какъ рассказывалъ лазутчикъ—провѣрить, конечно, было трудно, но вѣроятнѣе, что виновникомъ всей неудачи былъ самъ же лазутчикъ, который обнаружилъ себя чѣмъ нибудь и горцы, почуя опасность, не пошли далѣе. Какъ бы однако тамъ ни было, а намъ не оставалось ничего болѣе, какъ пожурить только лазутчика и возвратиться съ пустыми руками въ лагерь.

Направляясь въ одинъ изъ слѣдующихъ дней, въ составѣ нѣсколькихъ баталіоновъ, на рекогносцировку намъ пришлось проходить въ Ичкеринскомъ лѣсу ту поляну, гдѣ въ 1845 году кипѣлъ страшный бой русскихъ съ чеченцами, стоившій тогда нашимъ войскамъ такихъ огромныхъ потерь, что о нихъ не легко и вспоминать. Тутъ старые кавказцы указывали намъ, гдѣ были чеченскіе завалы и то мѣсто, гдѣ убитъ славный герой Кавказа генералъ Пассекъ, бросившійся съ горстью солдатъ Наваганскаго полка на штурмъ этихъ заваловъ. Окруженная со всѣхъ сторонъ глухимъ лѣсомъ, эта мѣстность представляла и теперь такую же труппу, какою, какъ говорили, она была четырнадцать лѣтъ назадъ: но и тутъ уже ни одна чеченская пуля не прожужжала надъ нашими головами. Отсюда уже ясно былъ слышенъ гулъ пушечной пальбы въ отрядъ генерала Евдокимова, который, какъ я говорилъ, блокировалъ въ то время аулъ Ведено.

Тамъ, сосредоточивъ около тринадцати тысячъ чеченцевъ, Шамиль упорно боролся съ русскими, делѣя еще надежду какъ нибудь отсидѣться со своими мюридами въ укрѣпленіяхъ; но истощивъ въ продолженіе полуторамѣсячной осады всѣ средства къ оборонѣ, бросилъ,

наконецъ, это лѣсное логовище, предоставивъ своимъ наибамъ вести дальнѣйшую защиту аула.

Бросая Ведено, Шамиль, однако, ничего въ немъ не оставилъ. Онъ сжегъ свой домъ, захватилъ всѣ драгоценности, награбленные имъ у русскихъ, и со всею семьею бѣжалъ въ Дагестанъ.

Бѣгство Шамиля рѣшило участь Ведено, и 1 Апрѣля этотъ аулъ, бывшій долгое время резиденціею имама, генералъ Евдокимовъ взялъ штурмомъ.

Съ паденіемъ Ведено экспедиція наша въ Чечню была окончена, и въ отрядномъ штабѣ заговорили о роспускѣ отряда. Однако баронъ Врангель, имѣя въ виду, что до Пасхи оставалось очень немного времени, и что люди въ полкахъ еще не говѣли,—отдалъ приказаніе командирамъ частей немедленно вытребовать въ отрядъ своихъ священниковъ и всѣмъ говѣть въ походѣ.

Въ силу такого приказанія, въ Вербное Воскресенье къ намъ прибылъ изъ Буртуная нашъ полковой священникъ Стефанъ Ястребовъ и со слѣдующаго же дня приступилъ къ отправленію церковной службы.

Въ походѣ и самый обрядъ говѣнія нашего совершался по походному. Разбили впереди лагеря офицерскую палатку, устроили въ ней небольшой помостъ, на которомъ поставили всегда возимую съ полкомъ икону Спасителя,—и къ богослуженію все было готово.

Говѣніе людей происходило цѣлыми баталіонами*) и начиналось вечернею, отслуживъ которую отецъ Стефанъ выставлялъ передъ палаткою аналой, клалъ на него крестъ съ Евангеліемъ и, прочитавъ по уставу церкви *правила*, произносилъ передъ говѣльщиками свое поучительное слово.

—Православные войны!—помню сказалъ намъ отецъ Стефанъ,—вы пришли сюда исполнить христіанскій долгъ, необходимый и важный для всякаго человѣка. Обстоятельства походнаго времени не позволяютъ вамъ исполнить обрядъ говѣнія въ тѣхъ правилахъ, кои указы-

*) Баталіоны въ кавказскихъ полкахъ въ то время были въ пятиратномъ составѣ и имѣли въ своихъ рядахъ до тысячи и болѣе человѣкъ.

ваетъ намъ наша Святая Православная церковь, но милосердый Господь нашъ не поставитъ вамъ это въ вину, требуя отъ человѣка лишь сознанія и полного раскаянія въ содѣянныхъ имъ грѣхахъ. Какъ служитель Бога нашего, и пастырь вашъ, предлагаю вамъ, братья мои, съ чистосердечнымъ раскаянiемъ прибѣгнуть къ Творцу Небесному: Преклоните колѣна и вознеситесь съ теплою молитвою къ Всевышнему, дабы, принявъ исповѣдь вашу, Онъ сподобилъ васъ принять Святыхъ Христовы Тайны. Затѣмъ каждый съ благоговѣнiемъ приложитесь къ кресту и Святому Евангелiю и идите съ миромъ въ свои палатки, памятуя, что завтра предстоитъ вамъ Великій день—причащенiя Святыми Божественными Дарами и съ ними воспрiять благодать Святаго Духа. Аминь.

На слѣдующiй день, послѣ краткаго богослуженiя (обѣдницы), мы причастились запасными Дарами, привезенными отцомъ Стефаномъ изъ полковаго штаба,—и обрядъ нашего говѣнiя былъ оконченъ.

Приказъ о роспускѣ отряда послѣдовалъ лишь только вечеромъ 9) Апрѣля и полки со слѣдующаго же дня начали расходиться по своимъ штабъ-квартирамъ. Мы выступили съ бивака въ пятницу на страстной недѣлѣ, сдѣлавъ ночлегъ у Кишень-Ауха и къ полудню Великой Субботы подошли къ крѣпости Внезапной. Здѣсь предполагено было сдѣлать дневку и встрѣтить праздникъ Св. Пасхи.

Крѣпость Внезапная была расположена на равнинѣ между Чиръ-Юртовскимъ и Хасавъ-Юртовскимъ укрѣпленiями. Теперь эта крѣпость упряднена, но въ то время она была передовой и до окончанiя войны на Кавказѣ, служа сторожевымъ пунктомъ, прикрывала выходъ изъ горъ по ущелью рѣки Акталшъ, охраняя вмѣстѣ съ тѣмъ и Кумыкскую плоскость отъ набѣговъ горцевъ. Построенная еще въ Ермоловскiя времена *), какъ и всѣ маленькiя крѣпости на Кавказѣ, эта крѣпость состояла изъ земляного вала со рвомъ,—очень слабой, впрочемъ, профили,—и трехъ батарей вооруженныхъ шестью крѣпостными орудiями очень старой конструкци.

Двѣ небольшiя казармы для гарнизона, крошечная церковь на площади среди офицерскихъ домиковъ и единственный духанъ, вмѣщавшiй въ себѣ всю торговлю крѣпости,—вотъ всѣ ея постройки и достопримѣчательности.

*) Крѣпость Внезапная построена генераломъ Ермоловымъ въ 1819 году.

Подлѣ самой крѣпости, и также на равнинѣ, размѣщался большой аулъ Эндрени, получившій у русскихъ названіе деревни Андреевой, — вѣроятно по созвучію съ чеченскимъ именемъ этого селенія, — онъ издавна находился подъ покровительствомъ русскаго правительства и населенъ былъ вышедшими изъ горъ чеченцами, которые содержали кордоны у подножія горъ и нерѣдко доставляли нашимъ властямъ весьма важныя свѣдѣнія о сборахъ и намѣреніяхъ горцевъ.

Расположились мы бивакомъ вблизи аула, послали артельщиковъ закупить у чеченцевъ для разговѣнія творогъ, яйца, пшеничные чуреки, и за полчаса до начала заутрени отправились всѣ въ крѣпостную церковь.

Ночь была тихая, безоблачная. Какъ теперь вижу ярко освѣщенную маленькую церковь съ ея иллюминированною съ верху до низу колокольнею. Передъ раскрытыми настѣжъ окнами стояла кучка офицеровъ, а за нею множество солдатъ. Храмъ былъ настолько малъ, что не могъ вмѣстить даже всѣхъ офицеровъ и потому многимъ пришлось остаться на площади. Всѣ въ благоговѣйной тишинѣ ожидали начала заутрени и поглядывали на колокольню, съ которой должна была прогнестись первая вѣсть о наступленіи Свѣтлаго праздника.

Я стоялъ среди солдатъ и уносился мыслями къ далекой Москвѣ, вспоминая то счастливое время, когда этотъ день—день всеобщей радости и ликованія—я встрѣчалъ въ кругу близкихъ своихъ и меня охватило такое глубокое чувство грусти, что невольно наворачивались слезы на глаза.

Но вотъ прозвучалъ первый ударъ колокола; всѣ встрепенулись, въ рукахъ загорѣлись свѣчи и площадь сразу вдругъ освѣтилась множествомъ мигающихъ огоньковъ.

Служба началась, какъ установлено, крестнымъ ходомъ, и когда, вслѣдъ за возгласомъ священнослужителя, хоръ пѣвчихъ пропѣлъ весь Воскресный стихъ, изъ церкви вышелъ священникъ съ крестомъ и, обходя молящихся, поздравилъ всѣхъ съ праздникомъ Воскресенія Христова.

Не пышна была обстановка, при которой намъ пришлось встрѣтить тогда Свѣтлый праздникъ, но она не умалила того торжества, съ которымъ мы, русскіе, всегда встрѣчаемъ этотъ Великій день. Мы

похристосовались другъ съ другомъ, отстояли до конца церковную службу и всѣ вмѣстѣ возвратились въ лагерь.

Разговѣніе было по походному,—то есть болѣе, чѣмъ скромное и часъ спусти весь лагерь уже покоился глубокимъ сномъ.

Первый день Св. Пасхи мы отпраздновали у крѣпости Внезапной, съ вечера отправили весь колесный обозъ кружною дорогою черезъ Чирь-Юртъ, и въ понедѣльникъ рано утромъ потянулись прямымъ путемъ по берегу рѣки Сулака на укрѣпленіе Міатлы. Переваливъ отсюда Хубанскія высоты мы спустились къ Теренгульскому оврагу и къ вечеру уже были въ своемъ Буртунаѣ.

Это былъ нашъ послѣдній походъ въ Чечню. Съ паденіемъ Ведено и бѣгствомъ Шамиля въ Дагестанъ Ичкеринцы, Качкалыки, Чаберлаевцы и другіе чеченскія племена тотчасъ же изъявили полную покорность русскому правительству и въ подкрѣпленіе своей вѣрности выдали аманатовъ.

Чечня окончательно смирилась и, ставъ на степень русской провинціи, въ томъ же году была раздѣлена на округа съ учрежденіемъ въ нихъ военныхъ управленій.

Потерявъ Чечню, Шамиль однако не упалъ духомъ. Онъ имѣлъ въ своемъ владѣніи еще весь покорный ему Дагестанъ съ его дикими скалами и суровой природой и былъ твердо убѣжденъ, что если русскіе вторгнутся туда, то его народъ и наибы сумѣютъ напомнить имъ событія 1843 года.

Но времена и обстоятельства измѣнились. Потерпѣвъ лѣтомъ въ томъ же году нѣсколько пораженій въ Андіи и Аваріи, Шамиль вынужденъ былъ, наконецъ, укрыться на неприступной горѣ Гунибъ-Дагъ. Тамъ, окруживъ себя нѣсколькими сотнями преданнѣйшихъ ему мюридовъ, съ надеждою на помощь Аллаха, онъ рѣшился выждать благоприятнаго для него оборота дѣла, и тогда опять стать во главѣ своихъ полчищъ. Но дни владычества имама уже были сочтены. Ни народъ, ни наибы его не хотѣли продолжать разорительной войны съ русскими; они, такъ же какъ чеченцы, изъявили покорность, выдали своихъ аманатовъ и на Алькоринѣ дали клятву оставаться навсегда вѣрными Бѣлому царю*).

*) Кромѣ Ункратля, гдѣ волненія продолжались до 1861 года и были прекращены только съ поимкою предводителя ункратлицевъ—Курэкъ-Магомы,—сосланнаго на поселеніе въ Сибирь.

И вотъ, видя себя оставленнымъ почти всѣми, этотъ грозный властелинъ Чечни и Дагестана покоряясь превратностямъ судьбы, отдался, наконецъ, на волю побѣдителя князя Барятинскаго, и на томъ же Гунибѣ предсталъ передъ нимъ, но уже не какъ глава независимаго народа, а какъ простой плѣнникъ, вымолившій пощаду себѣ и милость своему семейству.

Гунибъ палъ, какъ извѣстно, взятый штурмомъ 25 Августа 1859 года. Это былъ день великой славы Кавказской арміи,—день, положившій конецъ полувѣковой борьбѣ русскихъ съ воинственными народами Чечни и Дагестана, съ покореніемъ которыхъ вся громадная область отъ Грузіи до береговъ Каспіи вошла навсегда въ составъ русскихъ владѣній.

И тамъ, гдѣ многія десятки лѣтъ люди проливали кровь за обладаніе каждой пяди земли,—теперь процвѣтаютъ миръ, спокойствіе и то народное благосостояніе, которое, несомнѣнно, послужитъ лучшимъ залогомъ къ будущему развитію культуры этого края.

А. А. Аноевъ.

